

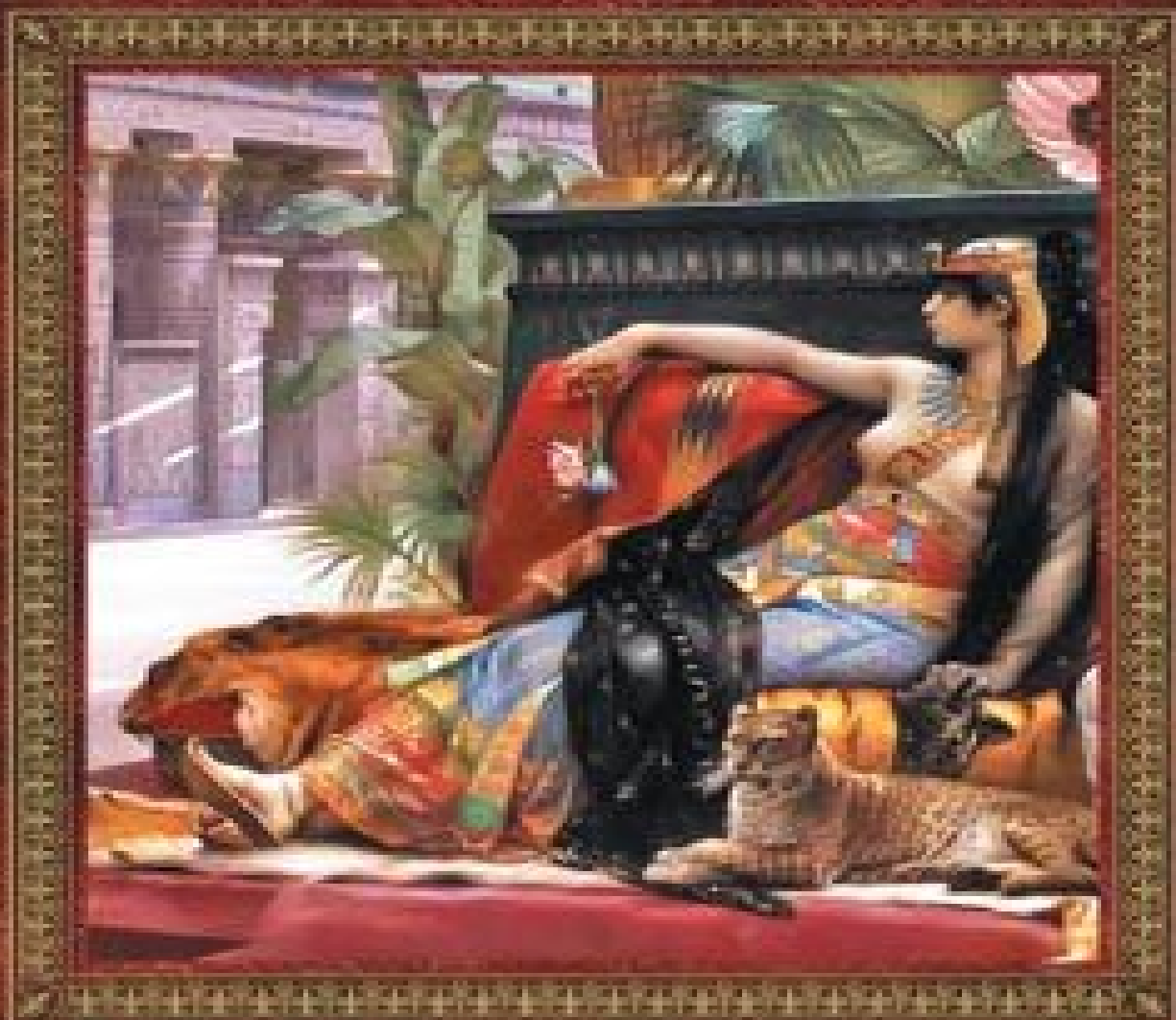
Клеопатра

Про книгу

Этот исторический роман, который переносит нас в далекие годы до н. э., представляет собой одну из версий-легенд царствования, величия и гибели прекрасной и коварной Клеопатры, отдавшей Риму Египет.

Это рассказ о трагической любви к ней принца Гармахиса, ставшего надеждой великого заговора против Клеопатры верховных жрецов, и предавшего их. В сплетении реальности и мистики, характерном для этой книги, ярко проявляются сила и слабость человеческого духа, способного на могучий взлет и обреченного на крушение.

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ГЕНРИ РАЙДЕР
ХАГГАРД

Клеопатра

Иллюстрированное издание

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АСТ»

Генри Райдер Хаггард

Клеопатра

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2012

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2012

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2012

ISBN 978-966-14-4578-8 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть скопирована или воспроизведена в любой форме без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Хаггард Г. Р.

X13 Клеопатра : роман / Генри Райдер Хаггард ; пер. с англ. В. Михалюка ; вступ. материалы Р. Трифонова и Е. Якименко ; худож. М. Курдюмов. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» ; Белгород : ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2012. — 416 с. : ил. — (Серия «Золотая библиотека приключений», ISBN 978-966-14-1318-3 (Украина), ISBN 978-5-9910-1598-1 (Россия)).

ISBN 978-966-14-3967-1 (Украина, т. 12)

ISBN 978-5-9910-2164-7 (Россия, т. 12)

УДК 821.111

ББК 84.4ВЕЛ

Факты, даты, цитаты

Генри Райдер Хаггард о себе

Один мой друг — мистик чистой воды — недавно очень позабавил меня. Он составил перечень моих прежних перевоплощений, вернее, трех из них, о которых якобы узнал таинственным образом. Два воплощения оказались египетскими: в первом я был вельможей времен Пепи II, жившего около четырех тысяч лет до нашей эры, во втором — каким-то неизвестным фараоном.

В третьей жизни я, по утверждению приятеля, воплотился в норманна седьмого века. Первым среди своих соплеменников он доплыл до Нила, а потом вернулся в свой старинный дом и там умер. После этого, пророчествовал мистик, душа моя проспала тысячу двести лет, пока не обрела нового хозяина — меня.

Я отнюдь не разделяю убеждений своего друга, несомненно искренних. Все эти теории с перевоплощениями совершенно бездоказательны. Тем не менее бесспорно, что некоторые люди питают неодолимое влечение к определенным странам и историческим эпохам. Разумеется, проще всего это объяснить тем, что предки их жили в этих странах в те самые эпохи. Я люблю норманнов тех времен, когда слагались саги, и еще более ранних. У меня достаточно оснований полагать, что предки мои были датчанами. Однако египетского предка я не разыскал в своей генеалогии ни одного. Если таковые и были, то очень давно.

Как бы то ни было, мне одинаково близки и норманны, и египтяне. Мне легко проникнуться их мыслями и ощущениями. Я даже разбираюсь в их верованиях. Уважаю Тора и Одина, преклоняюсь перед Изидой и неизменно хочу пасть ниц перед луной.

Сплошь и рядом я понимаю норманнов, живших примерно в девятом веке, и египтян от Менеса до эпохи Птолемея гораздо лучше,

чем своих современников. Они мне как-то ближе. И интересуют меня гораздо больше. А вот про эпоху Георгов я даже читать не могу, я ее просто презираю. Но в то же время я очень симпатизирую дикарям, например, зулусам, с которыми у меня всегда были самые лучшие отношения. Может быть, мой друг мистик пропустил в перечне мое дикарское воплощение...

Хаггард и его современники

Уильям Эрнест Хенли (1849—1903), *английский поэт, критик и редактор*

Рассказывает Хаггард (в книге «Дни моей жизни»)

Помню, однажды мы ехали в Британский музей с ним и с Лэнгом ... посмотреть выставленные там японские гравюры. По дороге я сказал ему, что лично я люблю скульптуру, особенно греческую, намного больше, чем живопись. Он был сильно удивлен.

«Думаю, это чудесно, — сказал он, — что вы такой, какой есть, и ваше творчество такое, как есть; вы должны отдавать предпочтение форме перед цветом».

Ему казалось любопытным, что в характере человека, который пишет романы, есть и другие стороны.

Редьярд Киплинг (1865—1936), *английский писатель*

Рассказывает Хаггард (в книге «Дни моей жизни»)

...Я познакомился с мистером Редьярдом Киплингом, который недавно прибыл в Англию, предполагаю, из Индии. Он был тогда молодым человеком около двадцати пяти лет и во внешности и поведении был во многом таким же, как и сейчас. Не припомню, при каких обстоятельствах мы встретились впервые. Возможно, это был званый ужин в моем доме на Редклифф-сквер, 24 для некоторых литературных друзей. Помню, что Киплинг приехал поздно и объяснил причину этого, показав порез на своем виске. Когда он ехал к моему дому, его экипаж столкнулся с фургоном на Пикадилли, и произошла катастрофа, из которой он едва спасся. С тех пор мы всегда хорошо друг к другу относились, возможно, потому что во многих, хотя и не во всех вопросах наши взгляды совпадали.

Из детективного романа Лоуренса Блока «Взломщик, который цитировал Киплинга»

Велкин, прочистив горло, прервал эти мои размышления.

— Райдер Хаггард, — сказал он. — Я говорил вам, что его я тоже коллекционирую?

— Кажется, вы упоминали его имя.

— Интересный человек. Для Южной Африки он сделал то же самое, что Киплинг — для Индии. «Она», «Копи царя Соломона»... Но вы, конечно, знакомы с его творчеством?

— В самых общих чертах.

— Он и Киплинг были, знаете ли, большими друзьями.

...

Хаггард прожил в доме Киплинга в Суррее так же долго, как и в своем собственном. Они и на самом деле работали вместе в кабинете Киплинга, сидя на противоположных концах длинного стола, перелопачивая идеи вдоль и поперек и затем превращая их в то или иное произведение неистовой работой пера.

— Интересно! — сказал я.

...

Киплинг ведь посвятил ему свою книгу. Кроме того, он снабдил экземпляр Хаггарда пространной надписью чуть ли не в сто слов. Там он называл Хаггарда родственной душой Полагаю, что в хранилище университета Техаса есть письмо Райдера Хаггарда, в котором он благодарит за подарок и восхваляет поэму.

Перси Фосетт (1867—1925), британский археолог и путешественник

Перси Фосетт был другом Генри Райдера Хаггарда. В своей книге «Неоконченное путешествие» он утверждает, что Хаггард подарил ему статуэтку из Атлантиды.

У меня есть статуэтка дюймов десять высотой, высеченная из куска черного базальта. Она представляет собой человеческую фигурку, держащую на груди пластину, испещренную иероглифами; такие же письмена вырезаны на ленте, обернутой вокруг лодыжек. Статуэтку мне дал сэр Райдер Хаггард, приобретший ее в Бразилии, и я твердо убежден, что она найдена в одном из затерянных городов.

Эта каменная фигурка обладает престранным свойством: каждый, кто возьмет ее в руки, тотчас же ощущает подобие электрического тока, устремляющегося вверх по руке, — ощущение настолько резкое, что некоторые люди спешат поскорее положить статуэтку. Причины этого явления мне неизвестны.

Эксперты Британского музея не могли объяснить мне происхождение этой фигурки.

— Если это не подделка, — сказали мне, — мы просто не знаем, что это такое!

Обычно подделка изготавливается для того, чтобы продать ее как антикварную вещь, но есть ли смысл подделывать вещицу, ценность которой никто не в состоянии даже приблизительно определить! Я твердо уверен, что это не подделка, так как из двадцати четырех иероглифов, высеченных на статуэтке, четырнадцать встречаются порознь на различных произведениях древней бразильской керамики.

Я видел лишь один способ разгадать загадку каменного идола — прибегнуть к помощи психометрии. ... Психометристы исходят из того положения, что любой материальный объект сохраняет в себе запись всей своей предшествующей судьбы, причем эта запись может быть воспринята человеком, который достаточно чувствителен, чтобы настроиться на специфические, возбуждаемые им колебания. ...

Психометрист, с которым я был совершенно незнаком, взял в руку мою статуэтку и в полной темноте написал следующее:

«Я вижу большой, неправильной формы континент, простирающийся от северного берега Африки до Южной Америки. На его поверхности возвышаются многочисленные горы и местами видны вулканы, словно готовые к извержению. Растительность обильная — субтропического или тропического характера.

На африканской стороне континента население редкое. Люди хорошо сложены, необычного, трудно определимого типа, с очень темной кожей, однако не негроиды. Их наиболее отличительные признаки — выдающиеся скулы и пронзительно блестящие глаза. Я бы сказал, что их нравственность оставляет желать лучшего, а религия их близка к идолопоклонству. Я вижу деревни и города, обнаруживающие довольно высокую степень цивилизации, и тут есть какие-то разукрашенные здания, которые я принимаю за храмы.

Я вижу себя перенесенным на запад континента. Растительность здесь густая, можно сказать, роскошная, население много культурнее, чем на востоке. Страна более гориста; искусно построенные храмы частью высечены в скалах, их выступающие фасады покоятся на колоннах, украшенных красивой резьбой. ...

В разных местах храма имеется несколько изваяний, подобных тому, что я держу в руке; этот последний, очевидно, является изображением жреца высокого ранга. Я вижу, как первосвященник берет фигурку и передает другому жрецу с наказом бережно хранить ее и в надлежащее время отдать следующему избраннику. Он в свою очередь передаст ее дальше, пока она не попадет в руки того, кто является перевоплощением человека, которого она изображает; тогда с ее помощью прояснится многое из забытого прошлого.

Города, расположенные на западе, густо населены, их жители разделяются на три группы: правящую партию, подвластную наследственному монарху, средний класс и бедноту, или рабов. Эти люди — полновластные хозяева мира, и многие из них безудержно предаются занятиям черной магией.

Теперь я слышу голос: «Узри судьбу, которая постигает самонадеянных! Они считают, что творец подвержен их влиянию и находится в их власти, но день возмездия настал. Ждать не долго, гляди!» И вот я вижу вулканы в неистовом извержении, пылающую лаву, стекающую по их склонам, и вся земля сотрясается под оглушительный грохот. Море вздымается, как от урагана, и огромные части суши с западной и восточной стороны исчезают под водой. Центральная часть материка затопляется, но все еще видна. Большая часть жителей или утонула, или погибла при землетрясении. Жрец, которому был отдан на хранение идол, бежит из тонущего города в горы и прячет священную реликвию в надежное место, а потом устремляется дальше на восток.

Некоторые люди, привычные к морю, садятся в лодки и уплывают; другие бегут в горы в центре континента, где к ним присоединяются беглецы с севера и юга.

Снова слышен голос: «Кара Атлантиды будет судьбой всех, кто осмелится обожествлять власть!»

Валерий Яковлевич Брюсов (1873—1924), русский поэт, прозаик, драматург, литературовед, историк

В письме К. Бальмонту, 10 июля 1898 г.

Вы не знаете детского писателя Райдера Хаггарда? Если Вы читаете детские книги, то прочтите.

Песня древнего народа Тема Райдера Хаггарда

Лесная птица, влетевшая в сумрачный зал;
Рука ребенка, зажавшая острый кинжал, —
Ты облик Жизни узнал ли? узнал ли? — Узнал!
Красиво небо в уборах вечерней зари,
Но солнце тонет в крови, всё в крови, всё в крови.
Звезды сиянье в воде непрозрачной пруда,
Расцвет фиалок в равнине, где скачет орда, —
Ты облик Смерти узнал ли? узнал ли? — О, да!
Темнеет небо в уборах вечерней зари,
Но солнце тонет в крови, всё в крови, всё в крови!
Нельзя проснуться от сна этих дней без примет,
Порвать ли цепи, где звенья — ряд стертых монет,
Ты облик Тайны узнал ли? узнал ли? — иль нет?
Померкло небо в уборах вечерней зари,
И солнце скрылось в крови, всё в крови, всё в крови!

19 марта 1923

Уинстон Черчилль (1874—1965), британский государственный деятель

Письмо Черчилля Хаггарду

Дорогой мистер Хаггард,

большое вам спасибо за то, что прислали мне «Алана Квотермейна», это очень мило с вашей стороны. «А. К.» нравится мне больше, чем «Копи царя Соломона», он забавнее.

Надеюсь, вы напишете еще очень много книг.

Искренне ваш

Уинстон С. Черчилль.

Письмо тети Черчилля Хаггарду

Дорогой мистер Хаггард,

маленький Уинстон пришел вчера утром ... и умолял меня повести его увидеться с вами, прежде чем он вернется в школу в конце месяца. Я не хочу надоедать такому занятому человеку, как вы, но когда у вас будет время, сообщите мне, пожалуйста, можно ли привести его в следующую среду, когда миссис Хаггард, по ее словам, будет дома? Или вы предпочтете прийти к нам как-нибудь вечером, когда мальчик будет у меня, чтобы встретиться с вами? ...

Преданная вам

Констанс Лесли.

Хаггард в своей автобиографии «Дни моей жизни» говорит, что, к сожалению, не помнит, состоялась ли встреча, которую пыталась организовать леди Лесли.

Забавные случаи из жизни писателя

По статье Д. Урнова «Писатель, которого читают»

Свою литературную судьбу Райдер Хаггард считал в значительной мере случайной. Готовили его и сам он готовился к поприщу государственному, общественному. Сочинительство в той среде, где он рос, не сочли бы занятием достойным. Характерный анекдот случился с Хаггардом, когда он уже был известным романистом, но службы еще не оставил, заседая в суде по бракоразводным делам.

Тянулось очередное заседание, Хаггард рассеянно чертил пером по бумаге и случайно вывел свое имя. «Простите, — раздался вдруг шепот у него за спиной, — это вы автор “Копей царя Соломона”?» Узнав, что так и есть, член суда, задавший вопрос, прошипел: «Будьте же вы прокляты! Из-за вас я сегодня всю ночь не спал!»

«Книга вовсе не так хороша, как думают», — сказал ... об «Острове сокровищ» Райдер Хаггард. «Попробуй, напиши хоть наполовину так же хорошо», — заметил ему на это брат. Хаггард

принял вызов и тут же начал приключенческую книгу. Днем он заседал в суде, а вечерами писал. Полтора месяца спустя были закончены «Копи царя Соломона».

Тут уж пришел успех невероятный! Книги Райдера Хаггарда печатались одна за другой. Имя его стало действовать почти магически. К ... издателю поступило десять тысяч читательских писем с одной и той же просьбой, сообщить, какие у него, у этого Хаггарда, глаза. А когда знаменитый автор перенес тяжелую операцию и после наркоза очнулся, то увидел, что весь медицинский персонал, окружавший операционный стол, стоит над ним с его книгами в руках и ждет автографов.

Знаменитые читатели о Генри Райдере Хаггарде

Корней Иванович Чуковский (1882—1969), *советский писатель*

Его тянет в загадочные, сказочные страны, каких еще никто не видал, — к гробницам легендарных героев, в огненные пещеры, где скрыты заветные клады, к шаманам, кудесникам, магам, к каким-то изумительным заколдованным женщинам, которые при помощи чар живут тысячи и тысячи лет и, умирая, воскресают опять. Он создал для себя особый мир — и в этом мире он полный хозяин.

Генри Миллер (1891—1980), *американский писатель и художник*

А сейчас, без всякого повода, если не считать таковым воспоминания о закате детства, внезапно всплывает в памяти имя Райдера Хаггарда. Это один из авторов, включенных мною в список ста книг, который я составил для издательства «Галлимар». И это был тот писатель, который держал меня в плену! ...

Когда закончился подростковый период, стало все труднее найти писателя, способного хотя бы приблизиться к тому впечатлению, которое производили книги Хаггарда.

...

Райдер Хаггард — один из тех писателей воображения, которые, несомненно, питались из многих источников. Мы сейчас считаем его автором книг для детей и охотно соглашаемся предать его имя забвению. Быть может, лишь тогда, когда наши ученые наткнутся на

истину, уже открытую воображением, мы поймем истинный масштаб подобных писателей.

...

...В Райдере Хаггарде есть двойственность, которая меня в высшей степени интригует. Этот человек вполне земной, с традиционными привычками и ортодоксальными убеждениями, но вместе с тем преисполненный любопытства и чрезвычайно терпимый, обладающий большой жизненной силой и практическим умом, молчаливый и сдержанный, одним словом, англичанин до мозга костей — через свои «романы» раскрывает скрытую натуру, скрытую сущность и поразительные скрытые познания. Его манера писать эти романы — очень быстро и, если можно так выразиться, ни на секунду не переставая размышлять, — дает ему возможность легко и глубоко проникать в собственное подсознание. Благодаря этому он словно бы нашел способ показать живую плазму своих предыдущих воплощений. Плетя кружева своих историй, он позволяет герою свободно философствовать, позволяя тем самым читателю увидеть отблески и вспышки своих истинных мыслей. Однако его дар рассказчика слишком велик для того, чтобы он мог придать глубочайшим своим размышлениям насыщенную форму и подобающий размах, которые сумели бы разрушить чары самого повествования.

Евгений Шварц (1896—1958), советский писатель, драматург

В письме Л. Л. Эренберг, Москва, 19 октября 1923 г.

Посылаю вам мой любимый роман Г. Хаггарда — он лучше «Атлантиды» Бенуа. Разбогатев — пришлю еще.

Эрнест Хемингуэй (1899—1961), американский писатель

По статье Д. Урнова «Писатель, которого читают»

Эрнест Хемингуэй ..., давая советы молодому читателю и перечисляя имена, которые необходимо знать, назвал и Райдера Хаггарда.

Интересно, что в библиотеке Хемингуэя, в доме его на Кубе близ Гаваны, есть неразрезанные книги Хаггарда. Но это не значит, будто, советуя читать другим, Хемингуэй сам не заглядывал в них. Просто он прочел Хаггарда раньше, до того, как обзавелся таким домом и такой библиотекой. А нового Хаггарда, оставшегося нетронутым, он все-

таки поставил на полку в память о сильных переживаниях, некогда испытанных им.

Грэм Грин (1904—1991), *английский писатель и драматург*

Возможно, миг, когда я снял её с полки, и не был решающим, но он, вне всякого сомнения, повлиял на моё будущее. Если бы не романтическое повествование об Алане Квотермейне, сэре Генри Куртисе, капитане Гуде и, наконец, старой ведьме Гагуле (*персонажи одной из самых известных книг Хаггарда «Копи царя Соломона»*), разве обратился бы я, девятнадцатилетний, в Министерство колоний с просьбой взять меня на службу в Нигерийский флот? Да и позже, когда я уже всё понимал, выдуманная Африка поманила меня снова, и в 1935 году я очнулся от приступа лихорадки на походной кровати в либерийской деревне. Передо мной в бутылке из-под виски догорала свеча, в темноте возилась крыса. Если бы не этот неизлечимый восторг перед Гагулой и её лысым, жёлтым черепом, на котором кожа сжималась и растягивалась, как капюшон у кобры, я не проторчал бы весь 1942 год в крошечном душном офисе во Фритауне, Сьерра-Леоне. Не так уж много общего между Страной Кукуанов, лежащей позади пустыни и гор Царицы Савской, и крытым жестью домиком посреди топкой лужи, где гуляли, словно индюки во дворе, ястребы и собаки, будившие меня по ночам своим воем...

Но всё-таки оба эти места располагались на одном континенте и даже, хотя и отдалённо, на одном отрезке воображения — там, где вслепую идёшь по чужой земле. Однажды ночью в Зигите, на границе Либерии с Французской Гвинеей, я подошел к Гагуле и её преследователям немного ближе: мои слуги убежали в дом и отвернулись от окон, заслонив глаза ладонями, где-то стучал барабан, и весь город сидел взаперти, пока по нему расхаживал злой дух, взглянуть на которого значило ослепнуть.

Кеннет Гандар-Довер (1908—1944), *английский спортсмен, авиатор, исследователь и писатель*

Положение было далеко не многообещающим, когда я попал в Найроби. Всё, что у меня было, — это любовь к Райдеру Хаггарду и нечёткое представление о том, чего я хочу. Я хотел увидеть большую

охоту в диких условиях, взять с собой фотографов и, когда это осуществится, попробовать отправиться в дикие леса в одиночку.

Иван Антонович Ефремов (1908—1972), *советский палеонтолог и писатель-фантаст*

По статье Е. Брандиса, В. Дмитриевского «Творческий путь Ивана Ефремова»

...Двенадцатилетним подростком, заброшенный ветрами гражданской войны в Херсон, Ефремов становится воспитанником 2-й роты автобазы 6-й армии. ... Именно в это время он знакомится с сочинениями Райдера Хаггарда, которого всю жизнь продолжал почитать как одного из своих любимейших писателей. Устойчивый интерес Ефремова к Африке, который проходит через все его творчество, зародился еще при первом чтении ... пленительно-таинственных романов Хаггарда.

Элизабет Питерс (Барбара Мертц), *американская писательница, автор детективных романов (один из циклов — о египтологе Амелии Пибоди)*

По статье В. Л. Черной «Художественное своеобразие романа Элизабет Питерс “Последний верблюд пал в полдень”»

[*Романы Хаггарда*], по признанию самой Питерс, вдохновили ее как на замысел всего цикла об Амелии Пибоди, так и на написание книги «Последний верблюд пал в полдень». Об этом идет речь в предисловии к роману: «Как и Амелия ..., я боготворю романы сэра Генри Райдера Хаггарда. Он был настоящим мастером выдумки, что, к сожалению, редко встречается в наши упадочнические времена; перечитав его произведения, я сама решила написать книгу. И задумывалась она как почтительная, восторженная и ностальгическая дань ему». В интервью журналу «The Armchair Detective» (1993) романистка сознается, что в свое время прочитала «все от Конан Дойла до сверхъестественных сказок», а потом, сосредоточившись на создании романов об Амелии, она «вернулась к Райдеру Хаггарду и обожаемой компании». «Мне ужасно нравятся затерянные цивилизации, — замечает она, — и так нравится блуждать покинутыми закоулками, что я и подумала, черт с ним, и в [романе] «Последний верблюд пал в полдень» бросила своих героев в такую

затерянную цивилизацию». Питерс говорит, что она замечательно провела время, «приворачивая» понемногу у Хаггарда и моделируя, что будет, если вдруг Пибоди обнаружит потерянную расу, перемещенную на полторы тысячи лет от ее исторического бытия. «В этой книге все полностью логично и разумно обосновано. Это было замечательно. Господи, у меня там были даже человеческие жертвоприношения и еще всякая всячина!»

Хаггард о своем путешествии в Египет и работе над романом «Клеопатра»

В январе 1887 года я отправился путешествовать по Египту.

С детства меня привлекал древний Египет, и я прочел о нем все, что мог раздобыть. Теперь я был охвачен страстным желанием побывать в этой стране, тем более что хотел написать роман о Клеопатре, — намерение, конечно, довольно честолюбивое. ...

...Я отправился в Египет в поисках знаний и отдыха. Кое-что мне и в самом деле удалось узнать, ведь если ум жаждет, то он впитывает информацию, как сухая губка воду. Я заблаговременно запасся рекомендательными письмами к Бругш-бею (*немецкий египтолог Г.-К. Бругш*), который, помнится, был тогда директором булакского музея. Он водил меня по этому дивному зданию, показывал мумии Сети, Рамсеса и других... О, с каким почтением глядел я на них! Рассказывал мне, дрожа от волнения, о великом кладе фараонов в Дейр-эль-Бахри и вообще об их сокровищах. Рассказал, как добрался до дна колодца и вошел в длинный проход, где столетиями спали мертвым сном могущественные цари, укрытые там от грабителей и врагов. Когда он при свете факелов прочел на саркофагах несколько имен, то чуть не потерял сознание. Еще бы! Вспоминал, что, когда останки царей извлекли из покоев смерти и повезли в Каир, чтобы снова похоронить уже в стеклянных витринах музея, толпы феллашек бежали по обеим сторонам реки и громко вопили оттого, что от них забирают древних царей. Они посыпали пылью волосы, заплетенные в сотню косичек, как делали их отдаленные предки, оплакивавшие фараонов, чьи останки торжественно проносили мимо них к месту упокоения, которое они считали вечным. Бедные, бедные владыки! Им

и не снились стеклянные витрины Каирского музея и насмешки туристов, у которых грозное и величественное выражение сморщившихся лиц мумий вызывает лишь улыбки да шуточки. Иногда, особенно теперь, в зрелом возрасте, я задаю себе вопрос: как смели мы касаться этих священных реликвий? Тогда я об этом не думал и сам тревожил их прах.

Во время этого путешествия я присутствовал при раскопках очень древних захоронений в тени пирамид Гизы. Настолько древних, что умерших тогда еще не бальзамировали. Скелеты лежали на боку, как плод во чреве матери. Ученые, руководившие раскопками, прочли мне надпись на маленькой передней камере одной из гробниц. Если не ошибаюсь, она гласила: «Здесь, ожидая воскрешения, почитет в Осирисе имярек (точное имя усопшего я забыл) ... жрец пирамиды Хуфу. Всю свою долгую жизнь он прожил добродетельно и мирно».

...

Доктор Бадж рассказал мне о гробнице, в которую он и его проводник вошли первыми примерно через четыре тысячи лет после того, как она была замурована. Гробница оказалась в идеальном порядке. Там находился гроб знатной дамы, стояли сосуды с приношениями, на груди покойной лежал веер, страусовые перья которого обратились в прах. А песок, покрывавший пол, еще хранил следы тех, кто принес тело в гробницу. Это произвело на меня ошеломляющее впечатление.

Раздумывая над этими вопросами, читатель должен помнить, что для древнего египтянина не было на свете ничего более святого, чем его собственный труп и гробница. Египтянин с незапамятных времен верил, что тело в гробнице спит не в одиночестве, что с ним пребывает вечный страж — Ка, или духовный двойник. Могущественный Ка, считали египтяне, мог отомстить осквернителю гробницы, ограбившему мумию.

Из Каира я поднялся вверх по Нилу, осмотрев все храмы и пирамиды царей в Фивах. Мне кажется, что это самые удивительные гробницы в мире. Так же думали, вероятно, те, кто посетил эти места двадцать и более веков назад. На стенах сохранились их восторженные надписи и приветствия душам усопших. Вероятно, то же будут испытывать посетители пирамид через две тысячи лет, ибо мир

никогда не сможет создать столь совершенные таинственные гробницы или возвести над ними пирамиды.

...

Я начал «Клеопатру» 27 мая 1887 года и ... закончил 2 августа того же года. Для этого я уехал из Лондона в Дитчингэм, потому что в городе слишком многое меня отвлекало и требовало моего времени, так что я не мог заниматься своей работой.

...

Я посвятил «Клеопатру» своей матери, так как считал, что это лучшая книга из написанных мной или из тех, которые я когда-либо напишу. Хотя с тех пор я изменил свое мнение в пользу одной или двух книг, появившихся позже.

...

«Клеопатра» выходила частями в «Иллюстрированных лондонских новостях», прежде чем была издана в виде книги. У этого произведения появилось много поклонников, но ... на него сильно нападали критики, рассерженные из-за того, что я после пьесы Шекспира отважился писать о Клеопатре.

Элла Хаггард, мать Генри Райдера Хаггарда

По словам Хаггарда, это письмо было написано незадолго до смерти его матери и, возможно, было последним письмом, которое он от нее получил.

Дорогой Райдер, у меня есть всего несколько минут, чтобы написать тебе и поблагодарить за твой очаровательный подарок, но я не позволю, чтобы прошла неделя, а я этого не сделала. ... Большое тебе спасибо за твою прекрасную работу, мой дорогой сын. Она обязательно принесет тебе успех, дорогой Райдер, что бы там ни сказали критики, а они, я уверена, сделают все худшее, что в их силах. Но, думаю, потомки оценят по достоинству твоё произведение.

Эндрю Лэнг (1844—1912), шотландский писатель, переводчик, историк и этнограф, друг Хаггарда

В письмах к Хаггарду

Ты возненавидишь меня за этот совет, но я бы на твоём месте отложил «Клеопатру» так надолго, как это возможно, а потом перечитал бы как посторонний человек. Думаю, ты бы нашёл, что между главами 3 и 8 роман слишком растянут, переполнен старинными

деталюми и слишком медленно развивается, чтобы увлечь читателей. Я в этом совершенно уверен. Стиль соблюден очень хорошо, но история не выигрывает от того, что ее рассказывают в архаическом стиле. ... По этой причине я бы значительно сократил роман, и это можно сделать. Ты поймешь это, когда снова его прочитаешь.

Я посвятил все утро «Клеопатре» и дочитал ее. После восьмой главы она годится! Я отметил некоторые мелочи, касающиеся стиля или выражений. Если в некоторых местах разумно сократить нравственные рассуждения Гармахиса, он, по-моему, станет более убедительным. ...

Если сделать роман немного более сжатым, я думаю, что это несомненное произведение искусства.

Хаггард отмечает в своей автобиографии, что постарался исправить недостатки, хотя не уверен, что полностью исполнил советы Лэнга, так как очень не любит менять уже написанное.

Уильям Эрнест Хенли (1849—1903), английский поэт, критик и редактор

В письме к Хаггарду

Я провел неделю в Уиндермере и взял с собой «Клеопатру». Я был один, и она составила мне хорошую компанию.

Вы были в невыгодном положении из-за неизбежного сравнения, но вышли из ситуации лучше (если быть честным), чем я от вас ожидал. Идея во всех отношениях восхитительна. ...

Я рад, что прочитал эту книгу, и рад, что она рядом и я могу прочитать ее снова. В ней много недостатков, но она много обещает и дает много превосходных — действительно превосходных — результатов.

И. Васильева, автор статьи о творчестве Хаггарда «Уникальный талант рассказчика»

Бессмертный образ Клеопатры, последней царицы Верхнего и Нижнего Египта, правлением которой завершается царствование династии Птолемеев, привлекал, как известно, многих выдающихся

писателей и живописцев. И все же Хаггарду удается дать свою художественную версию этого образа, воссоздать прекрасное лицо, «соблазнившее Цезаря, погубившее Египет и позднее решившее судьбу Антония». Как это часто бывает в поэтике Хаггарда, красота облика скрывает черную бездну души; нет такого порока, такого предательства, такой жестокости, перед которыми отступила бы и которых убоялась бы эта египетская царица, жаждущая власти и наслаждений.

Дворцовые заговоры, интриги, военные победы и поражения, пророчества и предсказания, видения и знамения — в этом романе есть все, чтобы держать в неослабном напряжении интерес читателя. И — опять-таки — поиски сокровища, скрытого в глубинах и тайниках пирамиды (сцена их похищения Клеопатрой и влюбленным в нее Гармахисом — поистине образец готического «suspense»).

Древнегреческий историк Плутарх о Клеопатре в книге «Сравнительные жизнеописания»

...Красота этой женщины была не тою, что зовется несравненною и поражает с первого взгляда, зато обращение ее отличалось неотразимою прелестью, и потому ее облик, сочетавшийся с редкою убедительностью речей, с огромным обаянием, сквозившим в каждом слове, в каждом движении, накрепко врезался в душу. Самые звуки ее голоса ласкали и радовали слух, а язык был точно многострунный инструмент, легко настраивающийся на любой лад, — на любое наречие, так что лишь с очень немногими варварами она говорила через переводчика, а чаще всего сама беседовала с чужеземцами — эфиопами, троглодитами, евреями, арабами, сирийцами, мидийцами, парфянами... Говорят, что она изучила и многие языки, тогда как цари, правившие до нее, не знали даже египетского, а некоторые забыли и македонский.

Валерий Брюсов

Валерий Брюсов, прочитав роман Райдера Хаггарда «Клеопатра», сочинил одноименное стихотворение.

Клеопатра

Я — Клеопатра, я была царица,
В Египте правила восемнадцать лет.
Погиб и вечный Рим, Лагидов нет,
Мой прах несчастный не хранит гробница.

В деяньях мира мой ничтожен след,
Все дни мои — то празднеств вереница,
Я смерть нашла, как буйная блудница...
Но над тобой я властвую, поэт!

Вновь, как царей, я предаю томленью
Тебя, прельщенного неверной тенью,
Я снова женщина — в мечтах твоих.

Бессмертен ты искусства дивной властью,
А я бессмертна прелестью и страстью:
Вся жизнь моя — в веках звенящий стих.

Ноябрь 1899

Литература

Блок Л. Взломщик, который цитировал Киплинга. Взломщик, который изучал Спинозу / Пер. Е. Баграч. — М.: АСТ, 1997. — 512 с.

Брандис Е., Дмитриевский В. Творческий путь Ивана Ефремова // Ефремов И. А. Собрание сочинений: в 5 т. — Т. 1. Рассказы. — М.: Молодая гвардия, 1986. — С. 536—560.

Брюсов В. Tertia Vigilia // <http://www.e-reading.org.ua/book.php?book=95514>

Брюсов В. Сны человечества // <http://www.e-reading.org.ua/book.php?book=95511>

Васильева И. Уникальный талант рассказчика // <http://lib.ru/HAGGARD/talant.txt>

Воронин А. Брюсов: посев Атлантиды // <http://lah.ru/text/voronin/brusov.htm>

Грин Г. Потерянное детство // <http://bibliogid.ru/articles/1420>

Житие сказочника. Евгений Шварц. Из автобиографической прозы. Письма. О Евгении Шварце / Сост. Л. В. Поликовская, Е. М. Биневич. — М.: Книжная палата, 1991. — 368 с.

Ле Гуин У. Роза ветров. — М.: Эксмо, 2008. — 736 с.

Лурье С. А. Успехи ясновидения. — СПб.: Пушкинский фонд, 2002. — 253 с.

Хэйнсельман К. Марози / Пер. М. Волченкова // <http://4ygesa.com/marози.html>

Миллер Г. Книги в моей жизни. — М.: Б.С.Г.-Пресс; НФ «Пушкинская библиотека», 2001. — 540 с.

Плутарх. Антоний / Пер. С. П. Маркиша // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 2 т. — Т. 2. — М.: Наука, 1994. — С. 398—445.

Ревич В. Миры Райдера Хаггарда // Литературное обозрение. — 1994. — № 7—8. — С. 106—111.

Урнов Д. Писатель, которого читают // Haggard H. R. King Solomon's Mines. — М.: Прогресс, 1972. — С. 5—22.

Фосетт П. Неоконченное путешествие. — М.: Мысль, 1975. — 382 с.

Хаггард Г. Р. Дни моей жизни / Пер. В. Голанта // http://ocr.krossw.ru/html/haggard/haggard-days-ls_1.htm

Черная В. Л. Художественное своеобразие романа Элизабет Питерс «Последний верблюд пал в полдень» // <http://nauka.hnpu.edu.ua/sites/default/files/fahovi%20vudannia/2010/literaturoznavstvo1/16.html>

Haggard H. R. The days of my life: autobiography / Ed. by C. J. Longman // http://ebooks.adelaide.edu.au/h/haggard/h_rider/days/index.html

Клеопатра

Дорогая мама,
я давно искал случая посвятить Вам одну из своих книг, и вот наконец предлагаю Вам этот труд, и надеюсь, что, какими бы ни были его недостатки, какую бы суровую критику он, возможно, не вызвал у вас или у остальных читателей, Вы примете его.

Я надеюсь, что мой роман «Клеопатра» доставит Вам удовольствие не меньшее, чем то, которое получил я, когда работал над ним, и что он создаст в вашем воображении пусть и неполную, но достоверную картину жизни Древнего Египта, чья замечательная история Вам так интересна.

Ваш любящий и преданный сын,

Г. Райдер Хаггард

21 января 1889 года.

От автора

Гибель Антония и Клеопатры многим исследователям, изучающим ту эпоху, кажется одной из наиболее загадочных и трагических страниц древней истории. Какое пагубное влияние, чья тайная ненависть постоянно подтачивали и отравляли их процветание и ослепляли их разум? Почему Клеопатра бежала во время битвы при Акциуме и почему Антоний последовал за ней, бросив свой флот и свою армию на милость врага, который их уничтожил? В этом романе делается попытка ответить хотя бы на этот и на некоторую часть других вопросов.

Однако я прошу читателя помнить, что рассказ ведется не от лица нашего современника, а устами древнего египтянина с разбитым сердцем, горячо любившего свою родину потомка фараонов, не простодушного сторонника культа животных, а образованного жреца, посвященного в самые сокровенные тайны, твердо верившего в существование богов Кемета, в возможность общения с ними и в вечную жизнь с ее благами и наказаниями, когда при переходе в загробное царство нас либо осуждают, либо оправдывают в зависимости от того, совершали мы зло или не совершали; ученого, для которого туманный и зачастую грубый символизм веры в Осириса был не чем иным, как пологом, специально сотканным для того, чтобы скрыть тайны Святилища. О таких людях, как принц Гармахис, рассказывается в священных письменах всех крупных религий, независимо от того, насколько истинны были их духовные цели и представления, если таковые действительно имелись. Как свидетельствуют монументальные и священные надписи на стенах древних гробниц, дворцов и храмов, они не были неизвестны и тем, кто поклонялся древнеегипетским богам, особенно Исиде.

К сожалению, практически невозможно написать книгу на такую тему и о таком периоде истории без введения определенного количества иллюстративного материала, ибо это единственный способ оживить в глазах читателя давно умершее прошлое с его блеском, увядшим великолепием и осененной веками тайной. Тем же

исследователям, которых занимает одна лишь история и которых не интересуют вера, обряды, символы или традиции Матери Религии и Цивилизации Древнего Египта, со всем должным уважением рекомендуется прибегнуть к известному приему — пропустив первую часть этой истории, начать чтение сразу со второй.

Что же касается смерти Клеопатры, то предпочтение было отдано той версии, которая связывает ее кончину с ядом. Согласно Плутарху, ее истинная природа неизвестна, хотя молва приписывает ее укусу гадюки. Однако, судя по всему, она воплотила свое желание, руководствуясь советами своего лекаря Олимпия, этой туманной личности, и более чем сомнительно, что для прекращения человеческой жизни он избрал бы столь экзотический и ненадежный способ.

Следует упомянуть, что даже во времена правления Птолемея Эпифана потомки египетских фараонов, одним из которых и был Гармахис, предпринимали попытки занять египетский трон. Более того, у многих жрецов была в ходу книга пророчеств, в которой говорилось, что после правления греков бог Харсефи сотворит «правителя, который придет». Так что, несмотря на отсутствие исторического подтверждения, рассказ о великом заговоре, участники которого хотели свергнуть династию Македонских Лагидов и возвести на трон Гармахиса, не кажется такой уж невероятной. Более того, не приходится сомневаться, что за многие века, пока Египет страдал от чужеземных властителей, подобные заговоры возникали не раз. Но история мало что рассказывает о бесплодной борьбе поработанного народа.

Песнопения Исиды и песнь Клеопатры, которые появляются на страницах этого романа, из прозы автора в стихотворную форму переведены мистером Эндрю Лангом, он же перевел с греческого плач по умершим сирийца Мелеагра, который поет Хармиона.

Введение

В одном из малодоступных мест в горах Ливийской пустыни, лежащих за городом-храмом Абидосом, где, по преданию, похоронен бог Осирис, недавно была открыта гробница. В ней среди прочего найдены свитки папируса, на которых была записана эта история. Гробница сама по себе довольно большая, но в остальном примечательна только лишь глубиной шахты, которая опускается вертикально вниз из высеченной в камне пещеры, некогда служившей надгробной часовней друзьям и родственникам умерших, до погребальной камеры внизу. Шахта эта уходит в глубину не менее чем на восемьдесят девять футов. Как оказалось, в погребальной камере было всего три гроба, хотя в ней могло поместиться намного больше. Два из них, в которых, по всей вероятности, покоились останки верховного жреца Аменемхета и его супруги — отца и матери Гармахиса, главного героя этого повествования, — были сразу же взломаны обнаружившими их мародерами-арабами.

Арабы не только взломали, но и растерзали мумии. Нечестивыми руками они уничтожили тела святого Аменемхета и той, чьими устами, как написано на стенах, вещала богиня Хатор, разорвали их скелеты на части, надеясь найти среди костей сокровища, и даже сами кости, по своему обычаю, за несколько пиастров продали первому же попавшемуся на пути алчному туристу, жаждущему чем-нибудь поживиться, пусть и совершая святотатство. В бедном Египте ныне живущие зарабатывают на хлеб, разоряя могилы великих людей прошлого.

Однако случилось так, что в скором времени после того один мой знакомый, по профессии доктор, добираясь по Нилу до Абидоса, в дороге познакомился с арабами, которые ограбили гробницу. Они открыли ему секрет этого места, рассказав, что один из саркофагов остался невскрытым. Они посчитали, что выглядел он как саркофаг бедняка, и, поскольку спешили, не стали его вскрывать. Побуждаемый любопытством и желанием исследовать гробницу, еще не оскверненную бездельниками-туристами, мой друг заплатил арабам,

чтобы они показали ему это место. О том, что последовало за этим, я расскажу его словами, в точности так, как он написал об этом мне в своем письме:

«Ту ночь я провел возле храма Сети и продолжил путь следующим утром чуть свет. Со мной были косоглазый разбойник Али (я его называл Али-Баба), это тот самый человек, у которого я купил кольцо, которое шлю вам, и небольшая, но отборная компания его приятелей-воров. Через час после того как поднялось солнце, мы достигли долины, в которой находится гробница. Это пустынное, заброшенное место безжалостное солнце весь день поливает своими испепеляющими лучами, пока огромные коричневые глыбы, разбросанные здесь, раскаляются настолько, что к ним становится невозможно прикоснуться, а песок начинает обжигать ноги. Стало уже слишком жарко, чтобы идти пешком, поэтому мы сели на ослов и проехали немного вверх по долине, где кроме нас единственным гостем был парящий высоко в голубом небе стервятник, пока не оказались у громадного утеса, за тысячелетия отполированного солнцем и отшлифованного песком. Там Али остановился, сказав, что гробница находится под ним. Мы спешили и, оставив ослов на попечение мальчика-феллаха, подошли к скале. Под ней находилась маленькая нора, до того узкая, что в нее с трудом мог протиснуться один человек, да и то ползком. Этот лаз прорыли шакалы, потому что вход и большая часть самой пещеры были полностью засыпаны песком, и именно благодаря этому шакальему ходу гробница была обнаружена. Али заполз внутрь на четвереньках, я последовал за ним, и после удушающей жары и ослепительного света снаружи мне показалось, что там было холодно и совершенно темно. Мы зажгли свечи, и, когда в гробницу забралось несколько разбойников Али, я начал осмотр подземелья.

Мы находились внутри высеченной в скале камеры, размером с большую комнату, причем ее дальний конец был почти свободен от песка. На стенах — обычные религиозные изображения культовых церемоний времен Птолемея, среди которых я увидел величественного старца с длинной белой бородой, сидящего с жезлом в руке на резном троне[1]. Перед ним проходит процессия жрецов, несущих священные предметы. В правом дальнем углу гробницы находится прямоугольный

колодец, вырубленный в черном камне, — шахта, ведущая в погребальную камеру. Мы привезли с собой длинное бревно и теперь, привязав к нему веревку, положили его поперек отверстия. Потом Али — а он, надо отдать ему должное, отчаянно храбрый разбойник — взялся за веревку, сунув за пазуху несколько свечей, уперся босыми ногами в гладкую стену колодца и начал удивительно проворно спускаться. Очень скоро он скрылся в темноте, и только лишь по движению веревки мы могли понять, что внизу что-то происходит. Наконец веревка перестала дрожать, и из глубины колодца донесся глухой голос Али, возвестивший о том, что он благополучно добрался до дна. Потом далеко внизу загорелась крошечная звездочка. Он зажег свечку, потревожив сотни летучих мышей, которые полетели из шахты мимо нас нескончаемым потоком бесшумно, словно духи. Веревку снова подняли, и настала моя очередь спускаться. Поскольку я не решился карабкаться на руках, арабы обвязали конец веревки мне вокруг пояса и стали медленно опускать в эти неведомые глубины. И хочу сказать, что путешествие это было отнюдь не приятным, потому что жизнь моя была в руках грабителей, и, если бы спускавшие меня совершили хоть одну ошибку, я, упав с такой высоты на камни, наверняка сломал бы себе шею. Кроме того, летучие мыши беспрестанно летали у меня перед лицом и цеплялись за мои волосы, а я терпеть не могу этих тварей. Наконец, после нескольких минут болтания и дергания на веревке я оказался в узком туннеле рядом с почтеннейшим Али, весь облепленный летучими мышами, мокрый от пота, да еще с ободранными коленями и руками. Потом по веревке спустился еще один человек, перебирая руками, как моряк, и, поскольку оставшимся наверху было велено дожидаться нас там, мы были готовы идти.

Али со свечкой в руке (у каждого из нас, разумеется, была своя свеча) первым пошел по длинному туннелю высотой в пять футов. Через какое-то время туннель расширился, и мы оказались в погребальной камере. Жара здесь была как в аду. Я думаю, это было самое душное и самое тихое место из всех, где я когда-либо бывал. Там действительно можно было задохнуться. Это была квадратная вырубленная в камне камера с голыми стенами, без росписей, без рельефов, без единой статуи.

Я поднял свечу и стал осматривать помещение. По комнате были разбросаны осколки крышек саркофагов и то, что осталось от двух мумифицированных тел, оскверненных арабами в прошлый раз. Я сразу же заметил, что крышки были испещрены изображениями удивительной красоты, но, не умея читать иероглифы, я не мог расшифровать надписи. Вокруг останков мужчины и женщины[2] лежали бусины и пропитанные благовониями полотняные полосы, в которые раньше были завернуты мумии. От мужского тела была оторвана голова. Я поднял ее и осмотрел. Лицо было тщательно выбрито — судя по всему, после смерти — и изуродовано тяжелой золотой маской. Но, несмотря на это, несмотря на то что плоть ссохлась, мне показалось, что это был один из самых красивых лиц, которые я когда-либо видел. Это было лицо очень старого человека, и на нем сохранилось такое спокойно-возвышенное выражение смерти, что меня охватил ужас, вселив самые суеверные мысли (хотя, Вы знаете, я привычен к виду мертвецов), и я поспешил положить голову на место. На лице второго тела еще оставалась пелена, и я не стал ее снимать, но в свое время это, очевидно, была высокая красивая женщина.

— Здесь еще одна мумия, — сказал Али, показывая на большой целый саркофаг, который, казалось, был небрежно отброшен в сторону, потому что лежал на боку.

Я подошел к нему и тщательно осмотрел. Сделан он был искусно, но из простой кедровой древесины, и на нем не было ни одного иероглифа, ни одного изображения божества.

— Никогда такого не видеть, — сказал Али. — Хоронить сильно спешить. Он не «мафиш»[3], не «финиш»[4]. Баросать на бок.

Чем дальше я смотрел на деревянный саркофаг, тем интереснее мне было узнать, что находится внутри. Меня до того потряс вид поруганных останков, что я хотел не трогать закрытый саркофаг, но... Я не смог справиться с любопытством, и мы приступили к работе.

Али принес с собой деревянный молоток и зубило и, поставив саркофаг как положено, принялся за работу с рвением опытного грабителя древних гробниц. Через некоторое время он указал мне на еще одну необычную деталь. Большинство саркофагов закрываются при помощи четырех выступающих язычков на крышке, по два с каждой стороны, которые входят в специальные пазы, вырезанные в

стенках нижней части, где прочно закрепляются кольшками из твердой древесины. Но у этого саркофага было восемь таких язычков. Наверняка его хотели закрыть особенно крепко.

Наконец, с большим трудом, мы подняли массивную крышку толщиной почти в три дюйма и увидели внутри тело, лежавшее под толстым слоем ароматных трав, что очень необычно.

Али смотрел на мумию, широко раскрыв глаза, оно и неудивительно, потому что эта мумия была не похожа на других. Я тоже ничего подобного никогда не видел. Мумии, твердые и прямые, словно вырезанные из дерева фигуры, как правило, лежат на спине, но эта мумия лежала на боку, и, несмотря на полосы ткани, которыми она была обернута, ее ноги были немного согнуты. Но и это еще не все. Золотая маска, которую положили на ее лицо согласно существовавшему во времена Птолемея обычаю, лежала под головным убором.

Видя все это, нельзя было не прийти к единственному выводу, что мумия, которая находилась у нас перед глазами, двигалась *после того, как ее закрыли в саркофаге.*

— Очень странная мумия. Он не «мафиш», когда его сюда положить, — сказал Али.

— Чушь! — сказал я. — Живых мумий не бывает.

Мы вынули тело из саркофага, чуть не задохнувшись от тысячелетней пыли, слетавшей с мумии, и под ним, среди сухой травы, обнаружили первую находку. Это был папирус, наспех свернутый и замотанный в кусок ткани. По его виду можно было судить, что его бросили в саркофаг в последний миг, когда он закрывался[5].

Али впился в папирус жадными глазами, но я положил его себе в карман, поскольку по нашему договору я мог забирать себе все, что могло обнаружиться в гробнице. Потом мы начали разворачивать тело. Оно было обернуто очень широкими и прочными пеленами, туго затянутыми и грубо завязанными, иногда простыми узлами, явно в страшной спешке и с большим напряжением сил. На голове был виден большой бугор, и когда мы сняли повязки, то увидели, что на лице мумии лежит второй свиток папируса. Я взялся за него и хотел поднять, но он не отставал от тела. Свиток каким-то образом был прикреплен к прочному, без единого шва, покрову, который обволакивал все тело и был завязан под ступнями таким же способом,

каким фермеры завязывают мешки. Этот саван, тоже густо пропитанный маслами, состоял из единого куска ткани и скроен был так, чтобы облегать тело, как предмет одежды. Я поднес свечку, осмотрел свиток и понял, почему он не отрывался. Благовонные масла загустели и приклеили его к мешку-савану. Снять его, не повредив внешние листы папируса, было невозможно[6].

Все же я кое-как открутил его и положил в карман туда же, где был первый.

После этого мы продолжили свою жуткую работу в молчании. Очень осторожно мы разрезали саван-мешок, и нам наконец открылось тело лежащего в саркофаге мужчины. Между его коленями лежал третий свиток папируса. Я спрятал и его, после чего опустил свечку и посмотрел на мумию. Мне, как врачу, хватило одного взгляда, чтобы понять, от чего умер этот человек.

Тело не было совсем сухим. Несомненно, оно не пролежало положенных семидесяти дней в соляном растворе, из-за чего лицо сохранилось лучше, чем это бывает у других мумий. Не вдаваясь в подробности, скажу только, что я очень надеюсь, что мне никогда больше не придется снова видеть такого взгляда, той муки, которая застыла на лице этого покойника. Даже арабы в ужасе попятнулись от него и начали бормотать молитвы.

Разрез на правом боку, который делают бальзамировщики, вынимая внутренности, отсутствовал. У него были правильные черты лица мужчины средних лет, хотя волосы были уже седыми, и тело очень сильного человека с необычайно широкими плечами, свидетельствующими об огромной физической силе. Однако осмотреть его более внимательно я не успел, потому что уже через несколько секунд после того, как были сняты повязки, незабальзамированное тело под воздействием воздуха начало рассыпаться. Через пять-шесть минут от него буквально ничего не осталось, только клочок волос, череп и несколько самых крупных костей скелета. Я заметил, что одна из берцовых костей — я забыл, какая именно, правой или левой ноги, — была сломана и срослась очень плохо. Она, наверное, была на целый дюйм короче другой.

Больше искать было нечего, и теперь, когда возбуждение прошло, я, задыхаясь от духоты, напряжения, пыли и запаха благовоний, почувствовал, что смертельно устал.

Если честно, я уже устал писать, к тому же корабль, на котором я плыву, немилосердно качает. Это письмо, конечно же, отправится по суше, а сам я продолжу путь морем, но я надеюсь, что буду в Лондоне не позже чем через десять дней после того, как Вы его получите. Тогда я расскажу Вам о приятных ощущениях, которые я испытал во время подъема, и о том, как этот мошенник Али-Баба со своими разбойниками пытался запугать меня и заставить отдать им папирусы, и как я справился с ними. Потом, разумеется, мы с Вами расшифруем свитки. Я полагаю, в них содержатся обычные тексты «Книги мертвых», но там *может* быть и что-то еще. Думаю, вы понимаете, что об этом небольшом приключении я в Египте не распространялся, иначе сотрудники Булакского музея меня в покое не оставили бы. До свидания. Как говорил мой Али-Баба: “Мафиш финиш”».

Когда мой друг, автор этого письма, как и обещал, прибыл в Лондон, на следующий день мы с ним отправились к одному знакомому ученому-египтологу, знатоку иероглифов и демотического письма. Я думаю, вы легко вообразите себе, с каким волнением мы затаив дыхание наблюдали, как он умело увлажнил и развернул один из свитков и стал через свои очки в золотой оправе всматриваться в загадочные символы.

— Хм, — промолвил он. — Что бы это ни было, это *не* «Книга мертвых». Господи, что это? Кле... Клео... Клеопатра. Провалиться мне на этом месте, друзья мои! Это рассказ современника Клеопатры. *Той самой* роковой Клеопатры, потому что вот здесь рядом с ее именем стоит имя Антония! Что ж, я вижу, здесь работы на целые полгода. Самое меньшее на полгода! — И, немного ошалев от радости, он стал торопливо ходить по комнате, время от времени пожимая нам руки со словами: — Я переведу... Я переведу. Я расшифрую, чего бы это ни стоило, и мы опубликуем это. И клянусь бессмертным Осирисом, все египтологи Европы будут рвать на себе волосы от зависти! Какая замечательная находка! Настоящее открытие!

О вы, чьи взоры пали на сии страницы, как видите, они были переведены, наш друг расшифровал папирусы и они были

опубликованы, и вот уже они лежат перед вами — неизведанная страна, которая зовет вас и в которую вы вольны отправиться!

К вам из своей забытой всеми гробницы обращается Гармахис. Стены Времени падут, и перед вами, словно во вспышке молнии, из тьмы веков возникнет картина далекого прошлого.

Он явит вам те два разных Египта, на которые из далекой древности, веками взирали немые пирамиды: Египет, покорившийся грекам, римлянам и позволивший сесть на свой трон Птолемям, и старый Египет жрецов, убеленный сединами, но не забывший легенд древности и потерянной славы и продолжающий свято их хранить.

Он расскажет, как в этом Египте, перед тем как окончательно угаснуть, вспыхнул тлеющий огонь любви к земле Кемет, и как старая, освященная самим Временем вера яростно противостояла наступающим волнам перемен, разлившимся, подобно водам Нила, и поглотившим древних богов Египта.

Здесь, на этих страницах, вы увидите славу и могущество Исиды Многоликой, исполнительницы высших предначертаний Непостижимого. Здесь вы познакомитесь с Клеопатрой, этим «порождением пламени», чья пышущая страстью красота создала и рушила империи, определяя их судьбы. Здесь вы прочтаете, как дух Хармионы погиб от меча, выкованного ее жаждой мести.

Здесь царевич Гармахис, обреченный на смерть египтянин, в последние минуты своей жизни приветствует вас, идущих по проложенной им тропе. В истории его недолгой, так рано оборвавшейся жизни, в его судьбе вы, возможно, увидите что-то сходное со своей. Взывая к нам из глубин мрачного Аменти[7], где он сейчас искупает великие земные преступления, рассказом о своем падении он говорит о том, кто отчаянно пытался выстоять и все же предал своего Бога, свою честь и свою страну.

Книга первая

Подготовка Гармахиса

Глава I

О рождении Гармахиса, о пророчестве Хатор и об убийстве невинного младенца

Клянусь Осирисом, почивающим в своей священной могиле в Абидосе, я пишу святую правду.

Я, Гармахис, наследный верховный жрец Храма, воздвигнутого божественным Сети, тогда фараон Египта, а ныне пребывающий во власти Осириса, ставшего правителем Аменти. Я, Гармахис, божественным правом и истинным наследованием по крови царь, единственный владыка двойной короны, фараон Верхнего и Нижнего Египта. Я, Гармахис, растоптавший едва раскрывающийся цветок надежды, безумец, отринувший величие и славу, свернувший со светлого пути, презревший глас Божий ради голоса земной женщины. Я, Гармахис, преступник, падший на самое дно, в котором все горести и страдания собрались, как вода собирается в колодце, который испытал бесчестье и позор, предатель, которого предали, и изменник, теряющий счастье, которое есть, и потерявший счастье будущее, несчастный и опозоренный... Я, узник, приговоренный к смерти, пишу, и именем того, кто покоится вечным сном в своей священной могиле в Абидосе, клянусь, что пишу правду.

О мой Египет! О милая сердцу страна Кемет, вскормившая своей черной землей мою смертную оболочку — земля, которую я предал! О Осирис! Исида! Гор! Вы, боги Египта, которых я предал! О храмы,

возносящиеся пилонами к небесам, чью веру я тоже предал! О царственная кровь древних фараонов, все еще текущая по этим иссохшим венам, чью добродетель я предал! О незримая сущность всемирной благодати! О судьба, чье кормило я держал в руках! Услышьте меня, будьте свидетелями до скончания времен, подтвердите, что я пишу только правду.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ